

Карен

Издалека Нантакет выглядит именно так, как Карен Отис представляла в своих мечтах: стильный, очаровательно уютный, естественный и аутентичный. Паром проплывает мимо каменных выступов причалов, и Карен сжимает ладонь Брюса, давая ему понять, что ей хочется подойти к борту. Брюс обнимает ее за плечи и помогает подняться. Он не может похвастаться высоким ростом, зато он очень сильный. В 1984 году он стал чемпионом Пенсильвании по борьбе в полусредней весовой категории. Карен положила на него глаз еще в старшей школе Истона, когда он в одиночестве сидел на балконе в зале бассейна. Она плавала баттерфляем в школьной эстафетной команде, и они часто тренировались во время обеденного перерыва. В тот день она выбралась из воды и увидела Брюса, одетого в треники и толстовку с капюшоном. Он сидел и молча пялился на апельсин в своей руке.

— Что этот парень делает? — вслух спросила Карен, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это Брюс Отис, — ответила Трейси, партнерша Карен по команде. — Он капитан команды по борьбе. У них сегодня после обеда назначена встреча, и он пытается скинуть вес.

Карен обмотала полотенце вокруг талии и отправилась наверх, чтобы представиться. До выпуска из школы оставался еще целый год, но она уже могла похвастаться весьма привлекательной фигурой и была

уверена, что, увидев ее в купальнике, Брюс Отис забудет и о своем апельсине, и о своем весе, и обо всем остальном.

Брюс поддерживает Карен под локоть, когда они вместе подходят к борту. На них смотрят другие пассажиры. Они замечают платок, обернутый вокруг головы Карен, — она не может заставить себя носить парики — и вежливо отходят на несколько шагов назад, чтобы подарить им немного пространства.

Карен хватается за поручень двумя руками. Даже такое простое действие забирает у нее все силы, но она хочет насладиться видом, пока паром приближается к пристани. Вдоль берега выстроены огромные дома, каждый раз в десять больше их с Брюсом одноэтажного домика на Дерхаммер-стрит в Форкс-Тауншип штата Пенсильвания. Крыши этих домов покрыты серой кедровой черепицей, а фасады украшены белоснежной отделкой. К некоторым пристроены изящные округлые веранды, к другим — прямоугольные и острые, словно спроектированные маленьким ребенком. От стен и до кромки песчаного пляжа раскинулись ярко-зеленые лужайки. Рядом с каждым идеально ухоженным домом стоит по флагштоку с развевающимся американским флагом. Ни одно здание на этой улице не выбивается из живописной картинке мрачным или неухоженным видом.

«У этих людей много денег», — мысленно замечает Карен.

Но откуда у них столько? Карен прожила достаточно, чтобы понимать: счастье за деньги не купишь, и уж тем более не купишь здоровье. Но ей все равно интересно, *насколько богаты* люди, которые могут позволить себе такие дома. Во-первых, это не основное их место жительства. Нужно учесть, что у них

наверняка есть недвижимость и на континенте — квартира в центре Манхэттена, поместье в Джорджтауне, коттедж в Филадельфии или лошадиная ферма в Вирджинии, — и уже после прибавить к получившейся сумме стоимость дома на берегу океана на этом престижном острове. Затем Карен прикидывает, как много денег могло уйти на мебель: диваны, ковры, столы и стулья, лампы, кровати с балдахином, бельгийские простыни высочайшего качества, декоративные подушечки, ванны-джакузи и ароматические свечи, которые стоят рядом с этими ваннами. (Селеста рассказала Карен о существовании свечей не из магазинов массмаркета — оказывается, некоторые свечи продаются по цене больше четырех сотен долларов за штуку. Эбби — будущая невестка Селесты — подарила ей такую на праздник по случаю помолвки. Когда Селеста сообщила, что свеча стоит четыреста семьдесят долларов, Карен шокированно ахнула. В молодости Брюс лишь немногим больше заплатил за свою первую машину — «Шевроле Нову» 1969 года!)

И конечно же им нужно было платить наемным работникам: ландшафтным дизайнерам, уборщикам, смотрителям и нянечкам. У них должны быть машины: «Рендж Роверы», «Ягуары» и BMW. Они наверняка плавают на яхтах, играют в теннис, покупают дорогие платья с вышитыми на груди монограммами, шелковые ленты для волос и новые пары топсайдеров на каждый сезон. А какую еду можно найти в таких домах? Карен почти видела глубокие блюда с персиками и сливами, картонные коробочки свежей клубники и черники, хлеб из булочной, салаты с киноа, спелые авокадо, органические яйца, стейки из мраморной говядины и алых лобстеров, от которых валил пар. И масло. Много-много масла.

Карен также мысленно прибавляет счета за скучные вещи, о которых никому обычно не хочется думать: страховки, налоги, электричество, кабельное телевидение и услуги юристов.

Карен решает, что у каждой из живущих здесь семей должно быть не меньше пятидесяти миллионов долларов на банковских счетах. И это по самым скромным подсчетам. А как кто-то — кто угодно — может заработать *такие деньги*? Она бы спросила об этом Брюса, но не хочет заставлять его стесняться из-за их материального положения. Хотя, скорее, она не хочет, чтобы Брюс стеснялся *еще больше*, чем сейчас, ведь их материальное положение весьма плачевно. Но, несмотря на это, на свадьбе их дочери Брюс будет выглядеть лучше всех, уж в этом Карен уверена. Брюс работает в отделе мужских костюмов в магазине дизайнерской одежды «Нейман Маркус», расположенном в торговом центре под названием «Король Пруссии», и получает тридцатипроцентную скидку на одежду, а к тому же бесплатную подгонку по фигуре. Все эти годы он сохраняет фигуру борца: у него сильные плечи и узкая талия (и никакого пивного животика!). В костюме он выглядит потрясающе. Однажды заместитель директора магазина сказал Брюсу, что тот мог бы работать моделью, будь он немного выше ростом.

Брюс любит красивую одежду, почти как женщина. Когда Брюс приносит домой новые вещи (что случается довольно часто, и раньше это выводило Карен из себя, ведь у них не было денег на покупку обновок и тем более на походы в места, где дорогие наряды пришли бы к месту), он любит устраивать перед Карен маленькое фешен-шоу. Она обычно сидит на краю кровати — хотя в последнее время она чаще лежит в кровати, — а Брюс переодевается в ванной комнате

и потом дефилирует по спальне, как по подиуму. Каждый раз, глядя на него, Карен не может сдержать смех. В какой-то момент она поняла, что Брюс покупает новую одежду именно по этой причине. Костюмы, рубашки, галстуки, штаны и носки нужны ему для того, чтобы порадовать Карен.

И конечно Брюсу нравится хорошо выглядеть. Сегодня на нем отутюженные черные джинсы марки «Джи-стар», черно-бирюзовая рубашка от Роберта Грэма с узором пейсли и контрастными ярко-зелеными манжетами, пара черно-белых полосатых носков и черные замшевые лоферы от Гуччи. Солнечные лучи согревают воздух. Даже Карен, которая теперь постоянно мерзнет из-за химии, наслаждается теплом. Брюс, должно быть, изнывает от жары.

В поле зрения Карен появляется маяк, украшенный изображением американского флага. Чуть дальше виднеются два церковных шпиля: белоснежный в форме пирамидки и круглый с золотым куполом и часовым циферблатом. В гавани полно лодок всех форм и размеров: дорогие яхты с многоуровневыми смотровыми платформами, узконосые катера и небольшие однопалубные суда.

— Мы будто очутились на съемочной площадке, — говорит Карен, но ее слова уносит прочь морской бриз, и Брюс ее не слышит.

По выражению его лица Карен понимает, что Брюс впечатлен не меньше, чем она сама. Он наверняка думает о том, что они не бывали в столь прекрасных местах с тех пор, как отправились в медовый месяц тридцать два года назад. Карен тогда было всего восемнадцать, она только-только окончила школу. Пришлось потратиться на свадебные наряды и небольшую церемонию в здании местной мэрии, поэтому на недельную

поездку у них осталось всего двести восемьдесят долларов. Они купили упаковку винной газировки с фруктовым вкусом (сейчас такая вышла из моды, но, боже, как Карен любила выпить бокальчик холодного малинового лимонада «Бартлз» или «Джеймес» в те годы) и кучу закусок: кукурузные колечки, начос и чипсы. Залезли в машину Брюса, вставили в проигрыватель кассету *Bat Out of Hell* и рванули на побережье, во все горло подпевая Джиму Стейнману и Миту Лоафу.

Они доехали до Джерси Шор, но ни Брюс, ни Карен не хотели там оставаться. В этих местах они бывали в юности, во время школьных путешествий или семейных вылазок в Вайлдвуд каждым летом, поэтому решено было ехать дальше на север, в Новую Англию.

Карен помнит, что в те времена Новая Англия казалась ей чем-то очень экзотичным.

У них закончилось топливо в Коннектикуте, в городке под названием Мэдисон. Через центр города проходила длинная главная улица, вдоль которой стояли разные магазинчики, словно в ситкоме из пятидесятых. Когда Карен вылезла из машины, чтобы размять ноги, в нос ей ударил запах морской соли.

«Думаю, мы недалеко от берега», — предположила она.

Они спросили у мужчины, работавшего на запра-вочной станции, что можно посмотреть в Мэдисоне, и он рассказал им о ресторане под названием «Омаровая палуба», из которого открывался потрясающий вид на залив Лонг-Айленд-Саунд. Неподалеку от ресторана, напротив общественного парка с пляжем, находился мотель «Сэндбар». Они заплатили сто пять долларов за номер для двоих на неделю.

Карен знает, что она не искусшенная путешественница. Она не бывала в Париже или на Бермудах. Да она

даже на Западное побережье Америки никогда не ездила. Они с Брюсом возили Селесту в горы Поконо на выходные. Зимой они катались на лыжах на местном горнолыжном курорте, а летом ходили в аквапарк. Большую часть своих денег они откладывали Селесте на колледж. Их дочь с раннего возраста проявляла интерес ко всему живому, поэтому Брюс и Карен надеялись, что она станет ветеринаром. Когда интересы Селесты сдвинулись в сторону зоологии, они не возражали. Ей предложили частичную стипендию в Университете Майами в Огайо, где был лучший факультет зоологии в стране. Но «частичная стипендия» не покрывала всех расходов: им все еще нужно было перечислять университету некоторую сумму за обучение, оплачивать проживание и питание, покупать книги и автобусные билеты домой, а также давать Селесте деньги на карманные расходы. На путешествия оставалось ужасно мало.

Поэтому Карен и Брюс с трепетом хранят в памяти все детали той единственной поездки в Новую Англию. Сейчас они оказались в еще более глубокой долговой яме — из-за счетов на лечение Карен они были должны банкам почти сто тысяч долларов, — но ничто на свете не заставило бы их пропустить свадьбу дочери здесь, на Нантакете. По пути домой, когда Селеста и Бенджи отправятся в медовый месяц в Грецию, Карен с Брюсом останутся в Мэдисоне, штат Коннектикут. Про себя Карен называла это путешествие своим Великим Финалом. Мотель «Сэндбар» давно закрылся, поэтому Брюс забронировал для них номер с видом на океан в отеле «Мэдисон Бич», принадлежащем корпорации «Хилтон». Брюс сказал Карен, что номер достался им бесплатно, потому что начальник Брюса, мистер Аллен, перечислил ему все свои

бонусные баллы из корпоративной программы «Хилтон Онорс». Карен знает, что коллеги мужа желали помочь их любимому «продавцу-консультанту Брюсу из отдела мужских костюмов», у жены которого диагностировали рак в терминальной стадии. И пускай Карен чувствует себя немного униженной, она благодарна им за заботу, особенно мистеру Аллену за его щедрое предложение оплатить их отель. Для Карен городок Мэдисон в штате Коннектикут был похож на райскую страну Шангри-ла из фантастического романа. Карен хочет есть лобстеров — с маслом, с очень-очень большим количеством масла — и смотреть, как медовый солнечный диск медленно погружается в воды залива. Она мечтает заснуть в руках Брюса, слушая, как волны ласкают песчаный берег, и зная, что их дочь счастливо вышла замуж.

Великий Финал.

Прошлым августом Карен узнала, что в ее третьем поясничном позвонке образовалась опухоль. Она верила, что ей удалось победить рак груди, но метастазы появились в костях. Ее онколог, доктор Эдман, дал ей от одного года до восемнадцати месяцев. Карен надеется, что доживет хотя бы до конца лета, и это невероятное благословение, особенно если вспомнить обо всех тех людях, которые умерли совершенно внезапно. Да, она могла бы попасть под колеса машины, переходя Нортгемптон-стрит в пригороде Истона, и тогда ее страшный диагноз был бы уже неважен.

Селеста была потрясена новостью о возвращении рака. В то время она только-только обручилась с Бенджи, но, услышав о новом диагнозе, захотела отложить свадьбу, покинуть Нью-Йорк и вернуться в Истон, чтобы ухаживать за Карен. Но ничего подобного Карен

не желала. Она попросила Селесту организовать свадьбу как можно скорее, а не откладывать ее на потом.

Селеста — ее послушная девочка — поступила точно так, как требовала мать.

Когда на прошлой неделе им позвонил доктор Эдман и сообщил, что рак охватил живот и печень Карен, супруги решили не рассказывать об этом дочери. Вечером в понедельник, покидая остров, Карен прощается с дочерью так, словно все в абсолютном порядке.

Ей осталось только пережить три следующих дня.

Карен все еще может самостоятельно передвигаться, опираясь на трость, но Брюс раздобыл для нее инвалидную коляску и аккуратно спустил с палубы на пристань. Грир Гаррисон Уинбери — или, точнее, просто Грир Гаррисон, ведь люди редко обращались к ней по фамилии мужа, как объяснила Карен Селеста, — уже должна была их ждать. Ни Карен, ни Брюс раньше не встречались с Грир, но Карен прочла две ее книги: только что вышедшую новинку «Смерть в Дубае» и «Убийцу с Каосан-роуд» — роман, с которого в девятых началась карьера Грир. Из Карен не выйдет литературный критик — она покинула каждый из трех книжных клубов, в которых состояла, потому что там всегда выбирали очень мрачные и депрессивные истории, — но она могла точно сказать, что первая книга Грир вышла яркой и увлекательной. (Прежде Карен понятия не имела, где находится Каосан-роуд — в Бангкоке, как оказалось. В романе было спрятано множество увлекательных деталей: храмы, цветочный рынок, салат из зеленой папайи с обжаренным арахисом. Карен будто не книгу читала, а смотрела передачу о путешествиях по телевизору.) Но вот

«Смерть в Дубае» оказалась шаблонной и предсказуемой. Карен уже на четырнадцатой странице поняла, кто убийца: лысый мужик с вытатуированными на лице усами. Карен смогла бы написать более волнующий роман, включив фоном сериал «С.С.И.: Место преступления Майами». «Возможно, — думает Карен, — Грир Гаррисон, знаменитый автор детективов, чье имя часто ставят в один ряд с такими выдающимися мастерами пера, как Сью Графтон и Луиза Пенни, теряет былую хватку».

Карен внимательно изучила фотографию Грир, размещенную на задней стороне обложки, — одинаковую для обоих изданий, несмотря на почти двадцатипятилетнюю разницу между выходом книг. На фотографии Грир в соломенной шляпе с широкими полями сидела на фоне красивого английского сада. Ей не дашь больше тридцати, у нее светлые волосы и безупречная бледная кожа. Глаза Грир красивого карего оттенка, а ее прелестной длинной шее позавидовала бы любая. Грир нельзя назвать невероятно привлекательной женщиной, и все же она — воплощение изящества, элегантности и, возможно, даже некой царственности. Карен понимает, почему Грир не стала менять фотографию. Кто захочет смотреть, как время накладывает свой отпечаток на красивую юную женщину? Никто. Поэтому Карен остается только гадать, как Грир выглядит теперь — с морщинками, напряжением в шее и седыми прядями в светлых волосах.

На пристани не протолкнуться: кто-то спускается с парома, кто-то встречает гостей, туристы спешат заглянуть в магазины, а голодные парочки ищут, где бы перекусить. После того как рак проник в желудок Карен, она редко чувствует голод, но сейчас от одной мысли о свежем лобстере у нее просыпается аппетит.

Она даже спросила у Селесты, будут ли подавать лобстера на свадьбе.

«Да, Бетти, — ответила та, и, услышав старое прозвище, Карен улыбнулась. — На свадьбе будет очень много лобстеров».

— Карен? — раздается незнакомый голос из толпы. — Брюс?

Карен оглядывается по сторонам и видит женщину — светловолосую, тоненькую, маниакально улыбающуюся, — хотя, быть может, ее улыбка кажется маниакальной из-за подтяжки лица. Широко раскинув руки, женщина идет прямо к ним.

Грир Гаррисон. Вот и она собственной персоной. Ее светлые волосы ни капли не поседели, прическу венчают дорогие солнечные очки. «Том Форд»? На Грир белые брюки капри и белая льняная туника. Этот костюм наверняка очень модный и идеально подходит для жаркой летней погоды, но сама Карен всегда предпочитала яркие цвета в одежде. Несомненно, это из-за того, что она много лет работала продавщицей в сувенирном магазине при фабрике художественных изделий фирмы «Крайола». По мнению Карен, наряд Грир выглядел бы куда интереснее, если бы ее туника была пурпурного или ярко-желтого цвета.

Грир нагибается и обнимает Карен, не дожидаясь подтверждения тому, что перед ней действительно Карен Отис. От этого Карен испытывает весьма неприятное чувство. Неужели они с Брюсом настолько выделяются, что ни у кого и сомнений не остается, кто перед ними? А может быть, Селеста показывала Грир их фотографии?

— Я так рада наконец-то с вами встретиться! — говорит Грир. — И по такому прекрасному поводу. Я счастлива, что вам удалось приехать.

Карен понимает, что готова с первого взгляда невзлюбить Грир и каждое ее слово считать оскорблением. Ну *конечно* они приехали! Их единственная дочь, их гордость и радость, *выходит замуж!*

Карен нужно успокоиться, и побыстрее. Забыть о своей глупой ревности, о чувстве неполноценности, о стыде за то, что они с Брюсом не так богаты и изысканны в своих манерах. И главное, Карен нужно забыть о своем гневе. Ее гнев вызван вовсе не Грир. Карен злится на всех, кто не болен так, как она. На всех, кроме Брюса. И Селесты, конечно.

— Грир, — говорит Карен. — Я так рада познакомиться *с вами*. Спасибо, что приняли нас у себя. Спасибо вам... *за все*.

Брюс делает шаг вперед и протягивает Грир руку.

— Брюс Отис, — представляется он. — Рад встрече, МЭМ.

— *Мэм?* — переспрашивает Грир. Она смеется, откидывая голову назад. Ее обнаженная шея все так же прекрасна, хотя и на ней время оставило свой отпечаток. — Прошу, не надо. Когда вы меня так называете, я чувствую себя тысячелетней старухой. Зовите меня Грир, а моего мужа — Тегом. В конце концов, мы станем одной семьей!

«Семьей...» — думает Карен, когда Брюс помогает ей залезть на заднее сиденье машины Грир. Точно в таких же автомобилях ведущие программ о путешествиях рассекают пески в африканских саваннах. Они сворачивают на мощенную камнями улочку. Каждая кочка — словно удар Карен в живот, но она стискивает зубы, не собираясь жаловаться. Но Брюс чувствует ее боль как свою собственную. Он протягивает руку и сжимает ее ладонь, успокаивая. Возможно,

Грир ничего особенного не имела в виду, когда сказала, что они станут семьей, но мысль об этом кажется Карен очень привлекательной. У них с Брюсом на двоих не так много родственников. Отец Карен умер от сердечного приступа, когда она была беременна Селестой. После смерти мужа ее мать выставила на продажу свой дом в Татами, Пенсильвания, и вышла замуж за Гордона, брокера по недвижимости. Когда Селеста пошла в детский сад, у матери Карен нашли редкий вид миеломы, от которой та скончалась шесть месяцев спустя. Гордон все еще работает на прежнем месте, но они редко общаются. Брат Брюса, Брайан, был полицейским в Нью-Джерси — он погиб во время автомобильной погони. После похорон Брайана родители Брюса переехали в дом престарелых, где умерли от старости. Карен и Брюс всегда крепко держались друг за друга — и, конечно, за Селесту. Они — маленькая семья из трех человек. По какой-то причине Карен никогда не думала, что благодаря Селесте у них появится столько родственников, тем более столь уважаемых, как Уинбери, владельцы летнего имения на Нантакете, а также апартаментов на Парк-авеню в Нью-Йорке и квартиры в Лондоне, которой Тег пользуется во время рабочих командировок и куда приезжает Грир, когда «скучает по дому». Карен невольно ощущает трепет от этой мысли, хотя она сама и не сможет в полной мере насладиться их компанией.

Грир показывает им Мейн-стрит — центральную улицу города. Она провозит их мимо одного из ее любимых ресторанчиков, где подают салат из органической свеклы, и магазина, в котором продаются красные мужские брюки «Нантакет-Редс». Все джентльмены наденут такие на завтрашнюю свадьбу. Грир даже заказала пару для Брюса, предоставив портному мерки, которые муж

Карен ей прислал (для Карен это новость). Грир пальцем указывает на магазинчик, где она купила клатч, идеально подходящий к ее платью (хотя само платье, по словам Грир, она, разумеется, купила в Нью-Йорке. Карен так и подмывает сказать, что свое платье она купила в магазине «Нейман Маркус» в торговом центре «Король Пруссии» с помощью скидочной карточки Брюса, но ей не хочется выглядеть жалкой). Грир также показывает им магазин, где она всегда покупает подарки Тегу на День отца.

— А у вас есть лодка? — спрашивает Брюс.

Грир смеется так, словно это очень глупый вопрос. Возможно, вопрос и правда глупый. Возможно, у всех на этом острове есть лодки; возможно, местным жителям лодки столь же необходимы, как крепкие лопаты для чистки снега обитателям северного Истона.

— У нас их три, — отвечает Грир. — На тридцатисемифутовой прогулочной яхте «Элле» фирмы «Хинкли» мы плаваем на Такернак. Тридцатидвухфутовой лодку «Грейди-Уайт» мы используем для охоты на полосатого окуня на Грейт-Пойнт. Мы еще купили небольшой тринадцатифутовый катер «Уэйлер», чтобы мальчики могли ездить на Котью-Бич со своими подружками.

Брюс одобрительно кивает, и Карен гадает, понимает ли он, о чем вообще рассказывает Грир. Карен вот точно не понимает. Женщина могла бы с тем же успехом говорить на языке суахили.

Кем станут друг другу Карен и Грир, когда их дети поженятся? Карен станет тещей Бенджи, а Грир — свекровью Селесты, но друг для друга Карен и Грир все так же будут чужими людьми. Нет такого слова, чтобы описать отношения двух матерей. Карен подозревает, что обычно матери молодоженов как минимум

недолюбливают друг друга. Ей хотелось бы думать, что они с Грир смогут познакомиться поближе и подружиться, даже стать друг другу сестрами, но это возможно только в чудесной фантазии, в которой Карен еще долго будет жить на этом свете.

— У нас также есть каяки на одного и двух человек, — продолжает Грир. — Мне кажется, Тегу они нравятся больше, чем другие лодки. Если честно, он любит свои каяки больше, чем наших сыновей!

Брюс смеется так, словно шутки смешнее никогда не слышал. Карен морщится. Разве можно так шутить? Ей срочно нужна таблетка обезболивающего. Она роется в своей сумке от Тори Бёрч винного цвета, которую ей подарил Брюс в честь завершения первого курса химиотерапии. Тогда в их душах еще жила надежда на лучшее. Карен вытаскивает пластиковую баночку и очень аккуратно достает одну маленькую круглую таблетку, стараясь не прикасаться к овальным перламутровым капсулам. Она глотает таблетку без воды. От этого ее сердце начинает биться чаще, но ничто другое не помогает справиться с болью.

Карен хочет полюбоваться видом, но приходится закрыть глаза.

— Мы уже вот-вот приедем, — немного погодя проносит Грир.

Своим британским акцентом женщина напоминает ей Джули Эндрюс в фильме «Мэри Поппинс». «Вот-вот», — проносится у Карен в голове. Грир выезжает на кольцо, включает поворотник и уходит налево. В то самое мгновение, когда машина резко дергается, начинает действовать обезболивающее. Боль стихает, и облегчение накрывает Карен золотой волной. Она всегда наслаждается этим мгновением — когда препарат, только начиная действовать, впитывает всю боль,

словно губка пролитую воду. Вероятно, Карен скоро попадет в зависимость от таблеток, если уже не попала. К счастью, доктор Эдман не скупится, когда выписывает ей рецепты. Да и какая теперь разница, есть у нее зависимость или нет?

— Приехали! — объявляет Грир, сворачивая на дорожку, усыпанную белой ракушечной крошкой.

На въезде висит предостерегающая табличка с названием поместья: «Саммерленд. Частная территория». Карен выглядывает из окна. По обе стороны дорожки высажены сиреневые и розовые гортензии. Они проезжают под самшитовой садовой аркой, и перед Карен открывается вид на маленький приморский рай — иначе и не скажешь. Прямо перед ней величественно возвышается огромный дом с бело-зелеными навесами над окнами. Напротив стоят два коттеджа поменьше. Вокруг них разбит ухоженный сад с тихо журчащими каменными фонтанами, вымощенными камнем дорожками и роскошными цветочными клумбами. И всего в нескольких ярдах от этого великолепия плещется океан. Отсюда видно весь залив, а за голубой водной гладью раскинулся город. Карен может разобрать вдалеке шпили двух церквей, которые она разглядела, стоя на пароме. Прекраснее пейзажа не представить.

Карен едва может дышать, а говорить уж и вовсе не в силах. Это самое красивое место из всех, что ей когда-либо доводилось посещать. Эта красота практически причиняет ей боль.

Сегодня пятница. На шесть вечера запланирована репетиция свадьбы в епископальной церкви Святого Павла, после которой во дворе дома пройдет фуршет на шестьдесят человек, где подадут морепродукты (как приготовленные на гриле, так и абсолютно свежие). Во время ужина будет играть живая музыка.

Кавер-группа исполнит песни «Бич бойз» и Джимми Баффетта. Под «маленьким тентом» разместят не только музыкантов, но и четыре прямоугольных стола, на пятнадцать человек каждый. А еще там будут лобстеры.

Свадьба пройдет в субботу в четыре часа дня. После церемонии начнется формальный ужин под «большим тентом» с прозрачной пластиковой крышей, сквозь которую гости смогут любоваться звездами. Там будет место для танцев, оркестр из шестнадцати человек и семнадцать круглых столиков, на десять человек каждый. В воскресенье Уинбери организуют праздничный завтрак в своем гольф-клубе. После этого можно будет вздремнуть. Карен, по крайней мере, точно вздремнет. Утром понедельника Карен и Брюс покинут остров на пароме, а Селеста и Бенджи вылетят из Бостона в Афины, а оттуда — на Санторини.

«Время, остановись», — молится Карен.

Ей не хочется вылезать из машины. Она была бы рада просидеть здесь целую вечность, наслаждаясь мечтами об этих прекрасных планах.

Брюс помогает Карен выбраться наружу и протягивает ей трость. В это время из главного дома и гостевых коттеджей начинают выходить люди, как будто желая как можно скорее поприветствовать высокопоставленных гостей. Их и правда можно так назвать, ведь Карен и Брюс — родители невесты.

Но Карен также знает, что обитателей этого поместья наружу тянет любопытство: семья Отисов не может похвастаться богатством, а Карен к тому же неизлечимо больна. Она надеется, что их не будут судить слишком строго.

— Привет, — говорит Карен собравшимся. — Меня зовут Карен Отис.

Она пытается отыскать взглядом знакомые лица, но Грир куда-то исчезла, а Селесты нигде нет. Карен жмурится от бьющих в лицо солнечных лучей. Она встречалась с женихом Селесты Бенджи всего три раза, но из-за влияния химиотерапии помнит только то, что у него на макушке постоянно топорщатся волосы. Карен приходилось постоянно сдерживаться, чтобы не пригладить этот хохолок. Перед ней стоят двое симпатичных молодых мужчин, и Карен понимает, что среди них нет Бенджи. Один из мужчин одет в яркую васильково-синюю футболку поло. Карен ему улыбается. В ответ молодой человек делает шаг вперед и протягивает ей руку.

— Меня зовут Томас Уинбери, миссис Отис, — говорит он. — Я брат Бенджи.

Карен пожимает Томасу руку — своим крепким рукопожатием он легко мог бы превратить ее кости в пыль.

— Прошу, зовите меня по имени.

— А меня зовут Брюс. Брюс Отис. — Брюс обменивается рукопожатиями с Томасом, а затем и со вторым молодым человеком.

У юноши темные волосы и кристально-голубые глаза. Он настолько красив, что Карен приходится приложить усилие, чтобы откровенно на него не пялиться.

— Шутер Аксли, — говорит он. — Я шафер Бенджи.

Точно, Шутер! Селеста как-то о нем упоминала. У него необычное имя, забыть его довольно сложно. Селеста пыталась объяснить, почему шафером стал Шутер, а не Томас, брат Бенджи, но история была слишком запутанной, и Карен казалось, что Селеста рассказывает о героях сериала, который Карен еще не смотрела.

Брюс пожимает руку девушке с каштановыми волосами и веснушчатым лицом, а затем здоровается с брюнеткой в закрытом обтягивающем платье до колен алого цвета, как буква*. Эта девушка выглядит опасной.

— На вас жарко смотреть, — произносит Алая Буква.

Если бы она говорила с другой интонацией, можно было бы подумать, что она пытается флиртовать с Брюсом, но Карен понимает, что девушка имеет в виду наряд ее мужа: черные джинсы, черно-бирюзовую рубашку, лоферы и носки. Он одет с иголки, но все равно не вписывается в окружение. Все остальные носят простую летнюю одежду: мужчины в шортах и поло, девушки в светлых хлопковых платьях. Селеста больше полдюжины раз напоминала Карен, что все Уинбери очень скрупулезны в одежде. «Скрупулезны» — именно так она и говорила, и это слово показалось Карен весьма необычным. Разве оно не вышло из употребления много лет назад? Селеста сказала: «Передай МакГайверу, чтобы надел синий блейзер, и никаких носков». Когда Карен сообщила это Брюсу, тот рассмехался, но совершенно безрадостно.

«Я знаю, как правильно одеваться, — ответил он. — Это моя работа».

Высокий седоволосый джентльмен шагает через лужайку и сбегает вниз по ступеням, ведущим к подъездной дорожке. С плавок и неопреновой водолазки ручьями стекает вода.

* «Алая буква» — роман Натаниэля Готорна, считающийся классикой американской литературы. Впервые был опубликован в 1850 году. *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

— Добро пожаловать, — говорит он. — Я бы обнял вас, но лучше подождать, пока я достаточно обсохну для таких фамильярностей.

— Ты опять выпал из каяка, Тег? — поддразнивает его Алая Буква.

Но джентльмен игнорирует ее и подходит к Карен. Когда она протягивает ему руку, он целует ее пальцы, лоя ее врасплох. Она не уверена, целовал ли ей кто-нибудь руки когда-либо прежде. Но все когда-нибудь случается в первый раз, и даже умирающей женщине от этого никуда не деться.

— Мадам, — произносит он с британским акцентом, достаточно слабым, чтобы быть приятным, а не отталкивающим. — Меня зовут Тег Уинбери. Спасибо вам за то, что проделали такой долгий путь; спасибо за то, что потакали всем прихотям моей жены; и, конечно же, спасибо за вашу прелестную, умную и очаровательную дочь, за Селесту — наш подарок с небес. Мы все попали под ее чары и с замиранием сердца ждем свадьбы.

— Ох, — выдохнула Карен.

Она чувствует, как на ее щеках расцветают розы, — именно так отец Карен всегда описывал румянец дочери. Это удивительный мужчина! Он сумел успокоить ее и при этом заставил почувствовать себя королевой.

Кто-то хлопает Карен по плечу, и она аккуратно поворачивается, опираясь на свою трость.

— Б-б-бетти!

Это Селеста. На ней белое платье на тонких лямках и сандалии, волосы заплетены в косу. Она загорела; печальные голубые глаза широко распахнуты.

Печальные? Этот день должен быть самым счастливым в ее жизни — или, быть может, вторым в списке. Карен знает, что Селеста беспокоится о ней, но сама

она намерена забыть о своей болезни — по крайней мере на ближайшие три дня — и надеется, что остальные поступят так же.

— Дорогая! — восклицает Карен и целует Селесту в щеку.

— Бетти, ты здесь, — говорит Селеста, и в ее голосе нет ни следа заикания. — Можешь в это поверить? Ты *здесь*.

— Да, — отвечает Карен, напоминая себе, что только из-за нее свадьба будет именно в эти выходные, когда на острове больше всего людей. — Я здесь.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

